

Первым повисшую тишину нарушил Чжоу Цзыфэй.

Слегка откашлявшись, он мягко произнёс:

— Учитель Шэнь, я впервые сплю с кем-то в одной кровати, немного непривычно. Давайте поговорим?

Шэнь Цзя осторожно повернул голову. В тусклом свете, пробивавшемся сквозь щель в шторах, было видно, что Чжоу Цзыфэй лежит на спине и смотрит в потолок. Похоже, он тоже нервничал.

Значит, не он один чувствовал себя не в своей тарелке.

Шэнь Цзя медленно повернулся на бок и тихо спросил:

— О чём ты хочешь поговорить?

— Учитель Шэнь, почему вам так нравится спать в гостиной?

— Когда я один сплю там, где не видно неба... становится очень тяжело. Словно что-то давит.

Шэнь Цзя ответил честно. Юй Сянхан когда-то тоже задавал ему этот вопрос.

Бывали дни, когда Сянхан задерживался на работе до поздней ночи. В такие вечера в пустой спальне Шэнь Цзя охватывала такая паника, что становилось трудно дышать. Тогда он уходил в гостиную.

Поначалу Юй Сянхан, застав его на диване, сочувственно обещал возвращаться раньше. Но со временем сочувствие сменилось раздражением, и он стал недовольно выговаривать: "К чему эта драма? Передо мной, что ли, разыгрываешь из себя мученика?"

Шэнь Цзя пытался объяснить, но Юй Сянхан никогда не принимал его слова всерьёз.

А когда тот в очередной раз раздражённо отмахнулся, заявил, что у него нет времени на чужие капризы, Шэнь Цзя замолчал навсегда. С тех пор, задерживаясь на работе, Юй Сянхан просто оставался ночевать в офисе.

На вопросы, почему он не едет домой, тот ответил: "Не хочу возвращаться и смотреть, как ты дремлешь на диване с видом невинной жертвы. Сам же устраиваешь сцены из-за моих

задержек. Раз так — мне проще вообще не приходить".

Лишь теперь, оглядываясь назад, Шэнь Цзя осознал: перемены в Юй Сяньхане начались уже тогда.

Но слепая привычка доверять заставляла думать, будто в охлаждении отношений виноват он сам, и с чувством вины принимать чужое отчуждение.

— Это из-за того, что произошло в прошлом?

Вопрос Чжоу Цзыфэй прозвучал мягко, осторожно. Он попытался скрыть за этой мягкостью глубокое беспокойство, но чуткий Шэнь Цзя всё равно всё уловил.

"До чего же он догадлив", — подумал Шэнь Цзя.

Он ведь ничего не рассказывал. Но Цзыфэй собрал воедино шрамы на его теле, появление Шэнь Цяньлуна, обрывки фраз в полицейском участке — и сумел понять, какую боль и ужас ему пришлось пережить.

Нести тяжелейший груз слишком долго — невыносимо тяжело.

И если на этом долгом пути кто-то хотя бы на миг снимет ношу с твоих плеч, просто чтобы посмотреть на неё, это уже приносит несказанное облегчение.

Цепляясь за эту хрупкую надежду перевести дух, Шэнь Цзя тихо заговорил:

— В детстве Шэнь Цяньлун запер меня в подвале. Наружу выходило только маленькое окошко с железной решёткой, и каждый день... день за днём я видел в него лишь ноги прохожих. Выбравшись оттуда, я полюбил смотреть на небо. Особенно когда остаюсь один. Так кажется, что я не совсем одинок: со мной прекрасный небесный свод, облака, звёзды... А не пыльные ботинки, которые постоянно куда-то спешат. Сколько их ни считай, все лишь проходят мимо. И в конце концов я всё равно остаюсь один.

Шэнь Цзя никогда и никому этого не рассказывал. Он боялся, что печаль, давящая на него весом целой горы, для других окажется лишь невесомой пушинкой. Боялся, что его снова оттолкнут.

Чжоу Цзыфэй слушал молча. И даже когда голос Шэнь Цзя затих, он ничего не ответил.

Шэнь Цзя уже решил, что сболтнул лишнего, и собрался смущённо перевести всё в шутку, как вдруг его ладонь сжали.

Цзыфэй крепко сплёл свои пальцы с его прохладными пальцами, укрывая их в горячей ладони.

— Не бойся. Отныне тебя больше никто и никогда не бросит.

Голос Чжоу Цзыфэя звучал глухо и сдавленно.

У Шэнь Цзя защипало в носу, а к глазам подступили жгучие слёзы.

Но первым чувством, захлестнувшим его, была непонятная, горькая обида.

Он ведь уже привык быть отвергнутым. Принял всё, что произошло. Так почему этот человек раз за разом рушит его защиту?

Разве нельзя просто оставить его в покое — дать дожить век в одиночестве и тишине?

Зачем пробираться в его душу? Зачем замечать чужую боль? Зачем беречь и лечить раны, о которых он сам давно старался не вспоминать? Зачем подавать надежду и предлагать опору именно тогда, когда он твёрдо решил больше никому не верить своё сердце?

— Я правда тебя люблю. Это не просто слова. Может, сейчас ты мне и не веришь, но у тебя будет сколько угодно времени, чтобы проверить мои чувства.

Матрас чуть прогнулся. Не выпуская его руки, Чжоу Цзыфэй вглядывался в смутный силуэт Шэнь Цзя.

Дыхание Шэнь Цзя прерывалось. Он медленно моргнул, и слёзы, скатившись по вискам, затерялись в волосах.

— Хоть всю жизнь. Для меня это совсем не трудно.

Тёплые пальцы бережно смахнули влажные дорожки с его щёк.

Шэнь Цзя зажмурился, но слёзы капали снова и снова, обжигая ладонь Цзыфэя.

— Учитель Шэнь, пока просто пользуйся мной. Как пробником перед покупкой дорогой вещи. Я стану твоей грелкой, личным водителем, посудомойкой, салфеткой... кем угодно. Всем, что тебе понадобится. Бери и пользуйся. А когда останешься доволен — поставишь штамп "парень" и оформишь в постоянное пользование. Гарантирую расширенный спектр услуг.

С тихим смешком Цзыфэй прижал ладонь Шэнь Цзя к своей груди. Под нею ровно и отчётливо билось сердце.

Нелепость этих речей выбила из Шэнь Цзя невольный всхлип, перешедший в тихий смешок.

— Что за глупости ты несёшь...

— Глупости? Сейчас я тебе покажу, какие это глупости!

Цзыфэй потянул его за руку и мгновенно сгрёб в охапку. Шэнь Цзя не успел и ахнуть, как оказался в крепких объятиях.

— Свернулся на самом краю, весь замёрз, руки-ноги ледяные. Ну что, признавайся, нужна тебе грелка?

Уткнувшись лицом в чужую грудь и ощущая на пояснице горячую руку, Шэнь Цзя замер. Объятия пахли едва уловимым свежим ароматом и дышали таким теплом, что всякое желание вырваться мгновенно пропало.

За окном шуршал осенний дождь, и сырой холод подбирался ко всем уголкам комнаты.

Шэнь Цзя сдался. В конце концов, ему просто нужно было немного тепла.

Почувствовав, что сопротивления не будет, Цзыфэй стал ласково поглаживать его по спине, словно приручённого котёнка, который наконец доверился и подставил шёрстку.

— Спи, — тихо прошептал он куда-то в макушку.

И сон действительно накатил тяжёлой, ласковой волной. Веки Шэнь Цзя отяжелели, и он погрузился в забытие.

\*\*\*

— Учитель Шэнь.

— Учитель Шэнь?

Голос Чжоу Цзыфэя заставил Шэнь Цзя встрепенуться. Он растерянно поднял взгляд на сидящего напротив мужчину.

— О чём вы задумались? Я зову вас, зову...

Шэнь Цзя смущённо опустил глаза, и в памяти снова всплыли картины сегодняшнего утра.

Проснувшись, он обнаружил, что буквально повис на Чжоу Цзыфэе.

Голова покоилась на крепком плече, одна рука лежала на мерно вздымающейся груди, а вторая... вторая залезла под футболку хозяина дома и беззастенчиво поглаживала рельефные кубики пресса. Более того, собственные босые ступни он бесцеремонно прижал к его тёплым ногам.

Шэнь Цзя и понятия не имел, что спит настолько беспокойно! Цзыфэй по сравнению с ним вёл себя куда приличнее: просто лежал на боку, придерживая его за плечи.

Разве что внизу живота ощущалось вполне однозначное и весьма внушительное давление.

От этих воспоминаний щёки опять вспыхнули. И как только у Чжоу Цзыфэя... всё могло быть настолько... настолько внушительных размеров?!

— Учитель Шэнь...

Лёгкий звон ложки о край пиалы заставил Шэнь Цзя вздрогнуть.

— Вы закончили? Если да, я уберу со стола.

Цзыфэй с лёгкой улыбкой наблюдал за смущённым до пунцовых пятен Шэнь Цзя.

Шэнь Цзя понял, что больше не выдержит сидеть визави. Один взгляд на это лицо — и утреннее бесстыдство вставало перед глазами со всей отчётливостью.

— Да... закончил.

Он поспешно отодвинул пиалу к Цзыфэю и чуть ли не бегом устремился в гостиную.

Вымыв посуду, Чжоу Цзыфэй вышел из кухни и увидел, что Шэнь Цзя аккуратно складывает вещи. Он невольно замедлил шаг.

Шэнь Цзя сидел вполоборота на диване. Мягкий утренний свет, проникавший через панорамное окно, очерчивал его силуэт нежным, светящимся ореолом.

Тонкие длинные пальцы привычно и сноровисто разглаживали ткань. Чёрные пряди соскользнули с плеча, обнажив изящную, белую шею. В этой хрупкой грации было что-то от склонившегося над водой белого лебедя.

Боясь спугнуть мгновение, Цзыфэй бесшумно опустился на край дивана и замер, не сводя глаз

с Шэнь Цзя.

Душу захлестнула нежность. Взгляд скользил по его бровям, точёному носу, аккуратным губам...

Вновь ожило то трепетное ощущение, с которым он утренним часом разглядывал спящего у себя на груди Шэнь Цзя.

Семя желания проросло внезапно: ему захотелось большего. Захотелось завладеть им без остатка.

— Я вчера выстирал твоё термобельё. Утром оно ещё было слегка влажным, так что я прогнал его через сушилку. Теперь можно надевать.

Шэнь Цзя повернулся и протянул стопку. Цзыфэй молча принял вещи, но взгляда от его лица так и не отвёл.

— Учитель Шэнь, можно вас поцеловать?

Цзыфэй пристально, не мигая, смотрел на его губы.

В это тихое утреннее мгновение внутри него проснулся зверь. Почувствовав свободу, хищник не бросился на жертву, а припрятал острые клыки и кротко припал к ногам своего господина, вымаливая единственный поцелуй.

<http://bllate.org/book/19971/1985905>